

Пусть даже астрономию египтян усваивает сельский хозяин—грек или римлянин. В его стране земледелие не зависит от грандиозных речных разливов; ему нужны астрономические приемы, чтобы определить время года, но далеко не с такой точностью, как это необходимо в Египте; может быть, целых девять десятых заимствованного научного материала не найдут применения в его практике. Понятно, что и ему астрономия не будет казаться земледельческой наукой,—и он будет рассматривать ее как чистое знание, связанное не с землей, а с небом, но имеющее такую силу, которой люди могут пользоваться и на земле.

— Но если так, то какой же, в самом деле, наукой считать астрономию—земледельческой или мореходной, или еще иной? И вообще как понимать связь ее или других „чистых“ наук с производством?

— Астрономия перестала быть только земледельческой или мореходной наукой; ее, как и другие науки, математические, естественные, социальные, нельзя прикреплять к той или другой специальной отрасли производства.

Дело в том, что как бы ни дробился общественный труд, во всех его отраслях остаются некоторые общие условия, и потому применимы некоторые общие приемы. Их и выражают разные „отвлеченные“ науки. Напр., та же астрономия руководит решительно всеми областями производства, как наука, дающая разделение времени. Где теперь, в жизни и в работе, не применяются часы? А они—всецело астрономический инструмент: они строятся по данным астрономии, а потом постоянно контролируются ею; проверка всех часов, от одних к другим, делается, в конце-концов, по астрономическим обсерваториям; а без этой проверки все часы быстро разошлись бы между собою, и людям нельзя было бы точно с'организовать никакого дела, никакого общения между собою. В старые же времена часами служили прямо солнце и звезды; их движению по небу

подражает равномерное движение стрелок по циферблату.

То же относится и к другим отвлеченным наукам. Математика, в качестве метода счетного и измерительного, применяется повсюду в производстве; аналогичным образом физика, механика и т. д. Экономические знания, пока еще большей частью в научно не выработанной форме, руководят организацией всякого хозяйства; ибо знание рынка, денежных знаков, цен, выгод сотрудничества и т. под., все это—экономические знания, без которых не может обойтись даже ни один крестьянин, ни один ремесленник.

Таким образом, именно „чистые“ науки по преимуществу выражают единство социально-трудовой жизни, и в то же время как раз они представляются в сознании товаропроизводителей вполне независимыми от общественной практики, представительницами истины „самой по себе“.

— Но существуют и науки „прикладные“ или „технические“, как агрономия, металлургия, медицина и пр.; свойствен ли также им этот „отвлеченный фетишизм“?

— Про них, разумеется, нельзя сказать, что они оторваны от практики в сознании менового общества; оттого их и не считают „чистым“ знанием. Но каждая из них представляется связанной только с определенной отраслью производства: агрономия—с сельским хозяйством, металлургия—с добыванием и обработкой металлов, и т. д. К производству в целом, ко всей общественной системе труда и они не относятся в мышлении товаропроизводителя, потому что нет сознания, что в каждой отрасли, как и в каждом ее предприятии, труд является общественным. Как бы ни были специальные прикладные науки, их значение на деле обще-трудовое: агрономия есть, в сущности, наука о добывании питательных средств для поддержания всей рабочей силы общества, металлургия—о добывании металлов для орудий всякого

технического процесса, медицина—о способах восстановления ослабленной болезнью рабочей силы для всякой деятельности. Но этот их характер ускользает от товаро-производителя: они для него только специальные, только профессиональные знания, не более. И это—тоже отвле-ченный фетишизм.

— А как следует смотреть с этой точки зрения на идеологические науки, логику, филологию и др.?

— Мы знаем, что идеология есть средство организации общественной жизни; в идеологических науках заключаются знания об этом организационном средстве; очевидно, что социально-практическое значение их того же рода, как и знаний, напр., об орудиях труда,—только более широкое и общее.

Так, филология с лингвистикой есть наука о словесном общении людей, посредством которого устраиваются все связи между людьми, все их практические взаимоотношения. Ее реальный смысл особенно ясен там, где встречаются разные языки, наречия, говоры разных слоев общества и где выступает задача—достигнуть того, чтобы в каком-либо деле русский понимал француза, великорусс—малоросса, интеллигент—крестьянина, и т. под. Филология может казаться нам наукой „отвлеченною“, стремящейся к чистому, свободному от практических интересов, познанию лишь потому, что мы не замечаем элементарного факта: все наши знания в своем и в чужих языках, дающие нам возможность о чем бы то ни было толковаться с другими людьми, это—филологические знания; наука же только приводит их в порядок, в систему.

Логику считают обыкновенно наукой наиболее отвле-ченной, предмет которой—чистое мышление. В действительности это наука о том, какие приемы и правила людям надо соблюдать, чтобы нормально толковаться между собою. Об этом свидетельствует и самое происхождение логики. Начало ее систематизации было поло-

жено в Греции, в противовес увлечениям софистов, крайних представителей быстро развивавшегося там индивидуализма. Софисты утверждали, что каждый человек по-своему воспринимает вещи и по-своему понимает, так что настоящим образом убедить друг друга в чем-либо люди не могут. Доказывать же можно, благодаря этому, с одинаковым правом и с одинаковым успехом вещи противоположные, это—дело словесного искусства, которое они и преподавали, или применяли в качестве адвокатов в процессах. Действительно, на рынке при торге обе стороны нередко с искренним и равным убеждением доказывают, одна—что немисливо продать дешевле, чем она требует, другая—что цена вовсе не такова, а ниже; то же наблюдается и в судебных тяжбах из-за собственности между индивидуальными хозяйствами. Но софисты чересчур обобщили и преувеличили законность противоположных точек зрения: ведь и меновое общество должно быть обществом, а где нельзя толковываться, там оно должно распасться. Основатели логики—школа Сократа—и разоблачали неправильность приемов, применявшихся софистами, при чем выясняли методы, следуя которым люди получают возможность убеждать друг друга, приходить к единству практического решения или мнения о вещах.—А так как размышление есть внутренняя речь, „разговор души самой с собою о воспринимаемых вещах“, как говорил Платон, то понятно, что логика должна была относиться и к размышлению, помогать человеку толковываться с самим собою и от колебания между двумя точками зрения в каком-либо вопросе приходить к определенному убеждению. А согласие человека с самим собою организационно-необходимо во всяком деле, конечно, по той же причине, как необходимо согласие между сотрудниками.

— Какое значение в общественно-трудовом смысле имеет философия, метафизика и т. под.?

— На основе специализации в обществе получается огромная разрозненность знаний. Как бы ни

было широко общение людей, но у каждого идейный материал оказывается иной, чем у других. Каждый приобретает по преимуществу те знания, которые нужны в его специальной отрасли труда,—а из иных знаний, обыденных или научных, какие случайно придется. В результате взаимное понимание людей становится весьма неполным, и возможность столкноваться ограниченной: один опирается на те сведения, которые другому недоступны, и обратно.

Сами руководящие науки подчиняются той же специализации, превращаются в особые отрасли труда, развиваются отдельно и дробятся дальше, на более мелкие отрасли. Их методы разнообразятся и расходятся, в каждой вырабатывается свой специальный язык, данные в них накапливаются больше и больше. Делается невозможным для отдельного лица усвоение не то что всех научных отраслей, но даже хотя бы нескольких. Вместо того, чтобы объединять людей, специализированные науки начинают раз'единять их; ученые разных отраслей говорят на разных языках и не понимают во многом друг друга, а не-ученое большинство не понимает их вообще.

Невыгоды и противоречия такого положения ощущаются чем дальше, тем сильнее. Стремление к единству знания, к общей науке, которая связывала бы остальные и давала бы людям основное руководство в жизни, само собой вытекает отсюда. Попытки создать такое единое и основное знание образуют философию.

Первоначально, когда науки еще не специализировались в отдельные отрасли, философией называли всю совокупность научного, т.-е. связанного, приведенного в порядок знания. Потом это слово стало обозначать науку наук, посвященную самым общим вопросам о жизни и вселенной, науку миропонимания.

Задача философии состояла в том, чтобы дать единое, для всех людей обязательное, всех их удовлетворяющее знание. Но единства нет в самой жизни менового-общества; поэтому не может его быть и в идеологии. Мышле-

ние в меновом обществе разрозненно потому, что разрознен труд людей, к которому оно необходимо приспосабливается. Не объединив труда в цельную, стройную организацию, нельзя получить объединенного, стройного мышления. Поэтому задача философии была в действительности неразрешима. Философия должна была неизбежно остаться цепью попыток, но никогда не сделаться настоящей наукою. Возникали одна за другой философские школы, вырабатывали разные учения о сущности вещей, о цели и причине жизни, об истине и т. д.; в разной мере они имели успех и влияние, но никогда не могли прийти к соглашению между собою, убедить друг друга: стремясь все объединить и примирить, философия постоянно являлась и до сих пор является областью спора и разногласий.

Это отнюдь не значит, чтобы ее следовало считать бесполезною, бесплодною. Попытки были важны, во-1-х уже тем, что поддерживали и закрепляли в обществе стремление организовать мысли людей в целостную систему; во-2-х, хотя в целом задача не разрешалась, но в частностях способы мышления совершенствовались, и вырабатывались полезные идеи, которые переходили потом в специальные науки. Напр., учение о том, что существующее не может уничтожаться, а только меняет формы, возникло в философии гораздо раньше, чем химикам удалось опытами доказать неуничтожаемость материи, а затем физикам — сохранение энергии.

— Если потребность в философии была порождена разрозненностью идей на основе специализации, то устояла ли сама философия против стремления к специализации?

— Нет, не устояла. Вначале философы стараются собирать и усваивать все имевшиеся научные знания, чтобы как можно полнее охватить истину в своих построениях. Но когда число специальных наук увеличилось, а материал их разросся, такая „энциклопедичность“ во-

обще стала невозможна. Тогда сама философия превратилась в особую специальность. Это, разумеется, не облегчило ее задачу, а наоборот: дать всеобъемлющее, всеобязательное знание отдельная специальность, одна из множества, с кругозором ограниченным, как и для всякой другой, была еще менее способна. Специалист-философ изучает мнения других философов, прежних и современных ему, при чем для него остаются скрытыми в огромной доле те знания и опыт, на которых эти мнения основаны,—присоединяют сюда случайно ему доступную частицу научных и обыденных знаний, и на этом строит свое учение. Понятно, что удовлетворяет оно немногих, а в массы и не находит доступа.

— Принимает ли мышление менового общества религиозные формы?

— Как мы видели, религиозные формы происходят из авторитарного сотрудничества, путем консервативной традиции. В идеальном же меновом обществе господствует не авторитарное сотрудничество, а общественное разделение труда, и тенденция в мышлении, как было раньше выяснено, не консервативная, а прогрессивная. Поэтому в идеальном меновом обществе религиозные формы не могли бы сложиться, ни даже сохраниться от предыдущих эпох. Но надо помнить, что такого „идеального“ общества в истории не было.

h) Отвлеченный фетишизм в искусстве.

— Какие основные черты характеризуют искусство идеальной меновой организации?

— Во-1-х, оно превращается в специальность отдельных хозяйств и образует, таким образом, ряд особых отраслей среди других, работая, как и они, на рынок. Производство искусства с тех пор рассматривается, как индивидуальный продукт определенного мастера. Безличному народному творчеству, которое свойственно автори-

тарным культурам, тут нет места. Там не только мифы, сказки, эпос, песни, музыка, танцы являлись созданием не того или другого лица, а общины, племени, народа — но также архитектура, скульптура, живопись: храмы, которые сооружались иногда десятками поколений под руководством неизвестных, сменявшихся архитекторов, священные статуи, иконописная живопись этих храмов, и т. п. В идеально-меновом обществе такой безыменно-коллективный тип работы немислим, потому что он основан на живой связи с обществом, которой художник-товаропроизводитель чувствовать не может: он продает свои произведения, переживая при этом всю борьбу, всю конкуренцию рынка.

Во-2-х, общественно-организующая роль искусства ускользает от сознания художников, да и всего общества. Отвлеченный фетишизм здесь такой же, как в науке: идея „чистого“ искусства, „чистой“ красоты, подобная идее „чистого“ знания, „чистой“ истины.

В-3-х, самое содержание произведений искусства — индивидуалистическое: в них дело идет о личности, взятой отдельно и в противоположении с другими, об ее интересах, борьбе, ее судьбах, ее чувствах и т. д. Обособленный в своем сознании индивидуум, явно или скрыто, бывает постоянным героем этих произведений: явно — напр., в романах, поэмах, лирике, скульптуре, где он прямо изображается в своих переживаниях; скрыто — напр., в музыке, в ландшафте, которые не изображают его, но по-своему передают его душевные настроения, его стремления и порывы.

— Как возможно говорить об „отвлеченном фетишизме“ в искусстве, когда оно отличается тем, что творит посредством живых образов, и часто — материально-техническими методами, как, напр., архитектура, скульптура?

— Отвлеченный фетишизм заключается не в том, что мысли или образы отвлеченны, а в отвлеченной точке

зрения на них, напр., когда научная истина или произведение искусства рассматриваются, как нечто имеющее значение, всецело само по себе, безо всякого отношения к обществу, в жизнь которого они входят, т.-е. как если бы от них был „отвлечен“ их действительный смысл—их общественная функция. В религиозном искусстве такого отвлечения не было: храм, статуя божества, понимались как нечто объединяющее верных между собою и с самим божеством, идеализированным представителем прошлых поколений, т.-е. как некоторая общественная связь. Но пусть та же статуя божества, после ряда веков, досталась меновому обществу, напр., найдена при раскопках; тогда в ней увидят более или менее совершенный образ красоты, но и только. Между тем на деле она и тут продолжает связывать людей, которые видят ее, в общем настроении, давать им некоторое, общее для них знание о том, какова может быть сильная и гармоничная жизнь, воспитывать их чувство и мысль к единению,—словом, остается, лишь в новом виде, некоторой общественной связью. Но от мышления менового общества эта функция скрыта.

— Следует ли считать, что известная теория „гражданского искусства“, по которой художник должен стараться, чтобы его произведения служили обществу, проводили полезные мысли, внушали добродетельные чувства, — что эта теория свободна от отвлеченного фетишизма?

— Нет, и она от него вовсе не свободна. Она требует, чтобы искусство служило обществу; следовательно, она полагает, что оно само по себе может и не служить ему, т.-е. она также не сознает действительного смысла искусства. А этот смысл—общественно-организационный—всегда имеется в художественных произведениях. Производство может хорошо выполнять эту функцию для одних элементов, слоев, классов общества и плохо для других, когда социальная организация разде-

лена на разнородные части: искусство аристократическое не подходит, положим, для демократов-ремесленников, крестьян, мелких торговцев, а демократическое для аристократов; но то и другое обладает организующим характером, только направленным к двум разным типам строения общественной жизни.

Когда от искусства требуют, чтобы оно сознательно отдавало себя на службу, напр., политическим задачам, или нравственной доктрине, то его просто превращают в „прикладное“ искусство, в роде того, какое применяется для украшения и комфорта домашней обстановки людей. Но мы видели, что прикладные науки не свободны от отвлеченного фетишизма в меновом обществе, потому что существует только сознание их связи с определенными отраслями производства, но не их общественно-трудовой роли в целом. То же относится и к прикладному искусству. Если оно, напр., политическое, то налицо есть сознание связи его со специально-политической деятельностью, но нет понимания организационного значения его вообще, помимо этой частной связи. Теория „гражданского“ искусства фетишистична, как и теория „чистого“ искусства.

и) Отвлеченный фетишизм норм.

— Чем характеризуется идеально-меновое общество со стороны развития норм, организующих взаимные отношения людей?

— Если мы станем сравнивать его, положим, с обществом феодальным, то окажется, что меновому свойственны следующие черты:

во-1-х, гораздо большее богатство, разнообразие и сложность социальных норм;

во-2-х, отсутствие священно-традиционного характера, присущего обычаю в авторитарной идеологии; нормы менового общества, это—право и нравственность;

в-3х-, отвлеченный фетишизм, в силу которого право и нравственность понимаются людьми не как организационные формы их общественно-практических отношений, а как нечто независимое от людей,—как выражение некоей „чистой справедливости“ или „чистого блага“ или „чистого долга“ и т. под.

— Почему для менового общества необходимы нормы особенно многочисленные, разнообразные и сложные?

— Именно потому, что оно в своем целом экономически неорганизовано, полно противоречий и борьбы. Его бесчисленные внутренние столкновения интересов и усилий должны быть введены в определенные рамки, — иначе, разворачиваясь беспрепятственно, они переходили бы в разрушение общественной связи. Всякая жизненная борьба, развиваясь свободно и последовательно, стремится перейти в истребление, в уничтожение. Это понятно само собою: каждый акт борьбы—не только каждый удар, но какое бы то ни было враждебное воздействие,—усиливает и обостряет борьбу. Напр., несогласие покупателя и продавца о цене приводило бы к насилию и грабежу; это и наблюдалось на каждом шагу в начале развития торговли, когда купцы обычно являлись при удобном случае также разбойниками и пиратами (торговцы финикийские, древне-греческие, карфагенские и др.). Конкуренция же и теперь иногда разрывает все нормы права и нравственности, доходит до применения кражи технических секретов, даже до поджогов и бомб, что наблюдалось не раз в передовой стране—Америке, но бывает, конечно, и в других странах.

В международных отношениях нет обязательных правовых и нравственных норм; там вполне открыто торговля пользуется насилием: передовые страны силой принуждают остальные покупать их товары, а между собою ведут войны вследствие конкуренции за рынки. Ясно, что если бы не было обязательных норм внутри менового общества, то самая жизнь его стала бы невоз-

можно, и оно распалось бы. Чем больше рыночных связей, чем шире и разнообразнее меновые сношения, тем многочисленнее и сложнее противоречия практических интересов, тем сильнее потребность в развитии норм, которыми бы все это регулировалось.

— Почему не нормы обычая, а правовые и нравственные типичны для менового общества?

— Потому что сила обычая—в консерватизме сознания людей и в глубоко чувствуемой связи с предками; а в меновом обществе мышление отличается прогрессивной тенденцией, и жизненная связь с предками ощущается слабо. Эта связь, которую можно назвать сотрудничеством поколений, подобно сотрудничеству живых людей, затмевается иллюзией „индивидуального хозяйства“. Дети, ставши взрослыми, заводят свои отдельные хозяйства и экономически отрываются даже от родителей, не говоря уже о более далеких предках.

Нормы же нравственные и правовые принимаются не потому, что они—заветы предков, а потому что признаются обязательными сами по себе.

— Как это понимать, что норма „обязательна сама по себе“?

— Так как товаропроизводитель не видит того трудового коллектива, к которому принадлежит, то он не способен и в норме увидеть продукт и орудие организации этого коллектива. Человек находит законы, юридические и нравственные, готовыми в своей общественной среде, и должен им подчиняться. Но почему? Только ли потому, что нарушение закона наказывается судом, а нарушение нравственности—общественным мнением? Легко видеть, что нет: в огромном большинстве случаев человек, следуя нормам, даже не думает о суде и общественном мнении, а вспоминает о них разве тогда, когда соблазняется совершить преступное или порочное дело, т.-е. когда норма более или менее потеряла власть над его душою. Притом каждый нормальный член общества поддерживает борьбу

против преступлений и пороков, прямым ли содействием или сочувствием, или участием в общественном порицании виновных: ясно, что это делается не за страх, а за совесть; если бы было иначе, законы и мораль не являлись бы сколько-нибудь прочными и устойчивыми, сколько-нибудь надежными приспособлениями.

Итак, человек в своей совести находит, что нормы обязательны для него. Но откуда эта обязательность? Приписать ее происхождение коллективу он неспособен, потому что сам—индивидуалист, которому мысль о трудовой связи общества в целом вполне чужда. Приписать ее себе самому, как личности, он также не может, так как не в силах по произволу отделаться от сознания этой обязательности, хотя бы даже очень хотел этого; он убеждается в этом каждый раз, как нарушит закон или мораль, и потом испытывает очень неприятные „угрызения совести“, устранить которые было бы для него, конечно, весьма желательно, но, вообще говоря, невозможно. Что же ему остается? Только одно: принять, что обязательность заключается в самой норме, в самом законе, нравственном или правовом. Путь совершенно такой же, как тот, который приводит к фетишизму товарной ценности: товаропроизводитель не может отнести ее ни к общественно-трудовым отношениям, которых не сознает, ни к своей воле, потому что находит эту ценность на деле независимой от своего желания; он и относит ее к товару самому по себе, к природе товара. Так и обязательность нормы он принимает как свойство ее природы: способ мышления тот же.

„Долг есть долг, и требует исполнения, потому что он есть долг“,—в этих словах объяснил обязательность норм Кант, один из величайших философов менового общества, завоевавший себе огромный и длительный успех тем, что удачно выразил некоторые основные черты меновой идеологии. Без сомнения, формула Канта принадлежит к числу так называемых „тавтологий“ (буквально—„тождество“), т.-е. в объяснении она просто повторяет

и утверждает то же самое, что надо об'яснить. Но она удовлетворяет товаропроизводителя, потому что таков его способ мышления, а именно — отвлеченный фетишизм. Почему товар такой-то обменивается на другой товар в такой-то пропорции? — „Потому что такова его ценность“, отвечает меновая идеология. Но „такова его ценность“ — как раз и означает, что он обменивается именно в этой, а не иной пропорции, т.-е. то самое, о чем задан вопрос. Почему истина нужна и полезна людям? „Потому что она соответствует действительности“. Но „соответствие действительности“, это — то же самое, что „истинность“, лишь в других словах; и опять получается значение истины в том, что она — истина, и только.

Тут нет ничего удивительного. Раз человеческому мышлению стала недоступна общественно-трудовая основа его понятий, то естественно, что они для него необ'яснимы; а значит, вместо об'яснения оно может только их повторять и подтверждать, в прежних или иных словах. Надо выйти из-под власти меновой идеологии, чтобы понять, что ценность — общественно-трудовое отношение, долг — общественно-организационная норма, истина — общественно-трудовая, кристаллизованный в понятиях, опыт.

— Каким образом все-таки возможно такое „отвлеченное понимание права и нравственности, когда товаропроизводитель не может не видеть, что их нормы всегда ограждают чьи-либо интересы?

— Индивидуалист в общественной жизни находит только индивидуальные интересы, сталкивающиеся между собою или случайно согласующиеся. С этой точки зрения норма закона или морали ограждает одни частные интересы в ущерб другим, „справедливые“ или „законные“, т.-е. согласные с нею самой, в ущерб „несправедливым“ и „незаконным“, т.-е. ей противоречащим; а значит, она властвует над ними всеми, но не зависит от них. Она поэтому „абсолютна“, т.-е. безусловна, не связана никакими условиями.

Этот взгляд с огромной силой и чистотой был выражен самими представителями отвлеченного фетишизма в древней формуле: „да погибнет мир, лишь бы был исполнен закон“; или, согласно позднему, кантовскому учению морали: „то, что повелевает мне голос совести, я должен исполнить, хотя бы вселенная разрушилась от этого“.

Такой „абсолютный“ характер норм и дает им силу вводить в рамки столкновения частных интересов и стремлений, всю внутреннюю борьбу менового общества. Человек, которого личные желания толкают на то, чтобы выйти из этих рамок, в себе самом встречает препятствие в виде „голоса совести“, который напоминает ему о законе; и не понимая, что этот голос есть выражение собственной его связи с коллективом, он видит в норме высшую силу, которой надо подчинять личные желания. Когда же он все-таки не удержится от нарушения, то затем, независимо от судебных репрессий или общественного порицания, он страдает от „угрызения совести“, т.-е. в действительности он, как член общественной организации, наказывает себя, как нарушителя этой организации; но для него это представляется карающею силой самой нормы.

— Как, однако, может индивидуалист совместить абсолютный, безусловный характер права и нравственности с прогрессивной тенденцией своего мышления, с тем фактом, что законы, нравственные правила совершенствуются, меняются с развитием общества?

— Если он наблюдает изменение нормы и чувствует, что новая лучше, выше прежней, и если он размышляет об этом, что делают обыкновенно не все, а, благодаря специализации, главным образом, специалисты-мыслители, то он приходит к таким выводам. Абсолютный закон, конечно, существует, но, как нечто высшее, он не постижим для ограниченного разума людей. Нормы же, которые людьми сознаются и принимаются, — это только

несовершенные выражения абсолютного закона. Понятно, что они могут и должны совершенствоваться, приближаясь, таким образом, к абсолютному закону, т.-е. бесконечному благу и справедливости; и понятно, что цепь этого развития бесконечна.

Таким образом, отвлеченный фетишизм хотя и не дает людям возможности понять, что прогресс нравственности и права есть просто прогресс форм общественной организации, но все же не составляет и препятствия к этому движению вперед, — конечно, до тех пор, пока меновое общество способно вообще развиваться.

к) Характеристика чистой меновой идеологии в ее целом.

— Какие черты следует считать основными для всей культуры идеального менового общества?

— Во-1-х, идеологическое богатство;

во-2-х, прогрессивность;

в-3-х, индивидуализм;

в-4-х, отвлеченный фетишизм.

— Чем определяется особенное идеологическое богатство идеального менового общества?

— Тем, что с одной стороны это общество экономически „неорганизовано“ как целое, и потому для него тем более необходимы организующие приспособления — идеологические; и что, с другой стороны, в силу специализации оно очень разнородно в своих частях, и потому необходимы организующие приспособления очень разнообразные.

— Чем определяется идеологическая прогрессивность такого общества?

— Она — просто результат его технической и экономической прогрессивности. Вследствие внутренней борьбы общества, и особенно — конкуренции пред-

приятий, техника их совершенствуется, а их взаимоотношения, экономическая связь, изменяются. Идеология должна приспособляться к этим основным условиям жизни общества и прогрессировать вслед за ними. Таким образом, она прогрессивна не сама по себе, а в зависимости от других сторон жизни. Сама же идеология должна быть в достаточной мере гибкой или пластичной, чтобы по мере надобности приспособляться к прогрессу техники и экономики.

— В чем причины и в чем сущность индивидуализма?

— Причины—в анархичности общества, в рыночной борьбе и конкуренции предприятий, маскирующей сотрудничество. Сущность — в том, что индивидуум, ведущий свое по внешности независимое предприятие, мыслит себя, как особый, самостоятельный центр деятельности, центр интересов, противопоставляя себя со своей частной собственностью другим таким же индивидуумам и всему миру. Все задачи человека, весь смысл его существования сосредоточиваются в „я„ и в „мое“; и труд и познание рассматриваются как творчество отдельных личностей, при чем каждая действует сама по себе; личная „совесть“—основа их поведения; личная свобода и частная собственность—их первые, „естественные“, т.-е. в самой природе людей лежащие права.

Индивидуализм—необходимое приспособление в новом обществе: он позволяет личности отстаивать себя и свое хозяйство в экономической борьбе, побуждает ее развивать свои силы, чтобы устоять и победить, — ведет ее, таким образом, по пути творчества и прогресса.

— В чем причины отвлеченного фетишизма, и в чем его проявления?

— Причины: власть над людьми их собственных общественно-трудовых отношений, не позволяющая им понять сущности этих отношений,—в частности же неорганизованность общества и его внутренняя борьба, скрывающие связь сотрудничества от сознания людей.

Проявляется этот фетишизм в том, что за действительностью принимаются разные безличные силы, которым приписывается господство над нею: отвлеченная причинность—необходимость, непреложно ведущая следствия за их причинами; ценность, господствующая над обменом товаров; чистая истина, независимая от людей и властвующая в познании; абсолютная справедливость и долг, также независимые от людей и обязательные для них во всех взаимных отношениях.

Отвлеченный фетишизм, подобно религиям, над личностями ставит нечто высшее, чему они должны подчиняться и с чем сообразоваться, — только не в живых образах божеств, а в виде безличных сил. Этим устраняются стихийно-хаотические проявления произвола личностей и не допускается их безграничное расхождение между собою в их разрозненном развитии. Таким образом и отвлеченный фетишизм есть необходимое приспособление, как противовес анархическим тенденциям индивидуализма, который иначе разрушал бы всякое общественное единство.

II. Переходные формы: рабовладельческий строй классического мира.

а) Техника и экономика античного рабовладельческого общества.

— На какой производственной основе развилось античное рабство?

— До эпохи рабства организация греческих и латинских племен была феодальная; такова была Греция во времена Гомера, Рим во времена своих легендарных царей. Прогресс техники и обмена, в силу разных благоприятных условий, шел там быстрее, чем у окружающих племен низшего феодального и родового быта, — племен, которые обозначались как „варвары“. С варварами велись

постоянные войны, в которых греки и римляне, благодаря техническим и культурным преимуществам, все более систематически оказывались победителями. Было много пленников; ими пользовались как рабочей силой. Мало-по-малу создалась настоящая эксплуатация варварского мира путем насильственного захвата его рабочих сил; а затем возникла и торговля ими. Пленник превратился в товар, и тем самым — в простое орудие труда, т.е. уже не рассматривался как член общества.

Развилось крупное хозяйство, основанное на потреблении рабочей силы рабов; экономически такое хозяйство было могущественнее мелкого, крестьянского и ремесленного, так что шаг за шагом приспособило к себе всю организацию общества, наложило отпечаток на весь строй жизни, и обусловило рабовладельческую культуру.

— Можно ли считать рабовладельческое общество меновым в полном смысле этого слова?

— Нет, его тип смешанный, наполовину меновой, наполовину авторитарный. Внутри рабовладельческое хозяйство было организовано как всецело авторитарное; между хозяйствами преобладали меновые связи. К этой двойственности должна была приспособляться вся античная идеология.

б) Основные черты идеологии классического мира.

— Каков общий характер классической культуры?

— Двойственный, как и самое строение тогдашнего общества: частью авторитарный, частью индивидуалистический. В ранние эпохи рабства, когда не только во внутреннем строении хозяйства господствовали власть — подчинение, но и в отношениях между хозяйствами сохранялись еще отчасти черты феодализма — владычество

аристократов и жрецов в общественных делах, — тогда преобладали черты авторитарно-религиозной культуры. Но по мере того, как усиливался обмен и исчезали остатки феодализма, на первый план выступали черты индивидуалистической идеологии; в эпоху расцвета античного мира перевес на их стороне. В периоде упадка, когда производство и обмен стали слабеть, вновь начали усиливаться тенденции авторитарно-религиозные. Идеология, как всегда, отражала и выражала производственную связь общества и изменялась вслед за нею.

— Какие проявления античной культуры наиболее для нее характерны?

— В эпохи ее роста и расцвета—созданные ею науки, философия, искусство; широкая политическая жизнь с ее величайшим продуктом—системой римского права. В период упадка — религиозное творчество, и в частности — выработка новой религии, ставшей затем мировой, а именно христианства.

— Какая судьба постигла классическую культуру?

— Большая часть ее произведений погибла или затерялась в общем крушении античного мира; меньшая была усвоена возникшим на его развалинах феодальным обществом средних веков—разумеется, то, что подходило к его строению, в особенности—последняя религия древности, христианство, со всей его организацией. Затем, спустя ряд веков, феодализм, разлагаясь, начал вновь уступать место меновой организации, хотя иной, чем рабовладельческая, но все же во многих и важных чертах сходной с нею. Тогда было разыскано и использовано многое из забытых и затерянных продуктов древней культуры, и еще больше — ее методов: это было так называемое „Возрождение классической древности“. Вообще, от погибшего греко-римского общества осталось огромное идеологическое наследство, из которого последующие века черпали все, что способны были усвоить,

с) *Греческая философия и наука.*

— Что представляла греческая философия и наука при своем зарождении?

— Систематизацию накопившегося „светского“ знания, которое не укладывалось в рамки религиозного предания. Родиной античной философии, которая тогда заключала в себе и зачатки наук, были торговые греческие колонии в Малой Азии. Мы уже знаем, что именно обмен опыта, идущий в зависимости от обмена товарами, кладет основу светскому знанию: то, что было священной традицией у одного племени,—когда заимствуется другим племенем, с иной религией, иными богами, не может войти в состав предания от этих богов и оказывается просто полезным сведением, интересной и ценной истиной. Широкие сношения малоазийских греков, которые жили на важнейших торговых путях древности, приводили их в связь с великими культурными народами Востока — египтянами, финикийцами, ассири-вавилонянами и другими; от них греки усваивали массу новых и важных знаний,— прежде всего, конечно, тех, которые были нужны для самой торговли, морской и сухопутной. Таковы география и астрономия, руководящие людьми в путешествиях; геометрия, как необходимый метод для той и другой, именно — способ определять расстояния и направления; некоторые указания в области атмосферных явлений, которые так сильно влияют на судьбу мореплавателя; очевидно, также арифметика, методы счета, постоянно применяемые в покупке-продаже; кое-какие сведения из механики и физики, особенно те, которые относятся к взвешиванию тел, необходимому в торговле.

Помимо этого приобретались обрывки опыта из всех отраслей производства, потому что все они при развитии менового хозяйства приходят в соприкосновение с торговлей и рынком, а через них—и между собою.

Вначале, пока подобных знаний было не особенно много, они не разбивались на отдельные отрасли, а соби-

рались воедино под именем „философии“. Впоследствии накопление повело к их специализации; название „философия“ стало с тех пор, как и всегда в дальнейшем, применяться только к объединяющей их систематизации, к науке наук.

Раньше общих или „чистых“ наук специализировались прикладные, технические; они частью обособлялись даже еще до философии, в стадии религиозного знания. Так было, напр., с агрономией, наукой о сельском хозяйстве; в некотором роде курс ее дал еще полу-легендарный поэт Геспод в своей поэме „Труды и дни“; так было и с медициной, которая, однако, до эпохи греческого расцвета сохраняла религиозную форму.

— В каком направлении шло развитие научно-философской мысли?

— В разные периоды жизни рабовладельческого общества это направление было различным. Сначала, пока господствующий класс не терял еще связи с производством, пока господин-рабовладелец лично руководил своим хозяйством, интерес мыслителей устремлялся в сторону практики, живого опыта, исследования природы, в сторону знаний, применимых в трудовой деятельности, полем которой является внешний мир. Первые философы и были натуралистами; после них еще долго главной задачей философии было объяснение природы. За этот период был собран богатый материал естественно-научных знаний, впоследствии, уже на переходе к следующему периоду, сведенный воедино великим энциклопедистом древности Аристотелем (в IV веке до Р. Х.).

Рост и расширение рабовладельческого хозяйства сопровождался удалением „господ“ от сферы производства. Они передавали свои организаторские функции управляющим и надсмотрщикам, большей частью из доверенных рабов, сами же превращались мало-по-малу в чистых паразитов. А так как этот класс был главным поставщиком идеологов и оказывал наибольшее влияние на развитие духовной культуры, то с переменой его по-

ложения менялись и основные интересы познающей мысли. Развивалось презрение ко всякому производительному труду, как делу рабскому, и ко всему, что для него служит, т.-е. и ко всяким практическим, прикладным знаниям. Не только остановился прогресс наук технических, но и в естественных наступил застой: наблюдения и опыты над живыми явлениями природы ведь также служат развитию производства. Мышление делалось средством утонченного самоуслаждения.

Продолжали пользоваться почетом математика, логика, как науки наиболее „чистого“ мышления, не имеющие необходимости оперировать с практическими фактами. Платон, напр., находил, что применять геометрию к решению механических задач значит унижать геометрию.— Сохранялся интерес к астрономии, предмет которой возвышен и в которой силен элемент эстетического созерцания.—В философии главное место занял вопрос о том, как устроить личную жизнь, чтобы достигнуть счастья и самоудовлетворения; даже умозрения о сущности вещей отступают перед этим вопросом, или подчиняются ему, как средство—цели.

Временами в колониях, когда там или здесь вспыхивала промышленная жизнь, вновь расцветали также технические и натуралистические знания: в Сицилии времен Архимеда (к концу III века до Р. Х.), в Египте в эпоху „александрийской учености“ (II—III в. по Р. Х.). Но каждый раз это продолжалось недолго и было непрочно: дух паразитизма и рабства побеждал, как только кончалось экономическое процветание.—В общем, наука и философия во второй период античной культуры перестали быть жизненно-прогрессивны.

— Какой тип мышления преобладал в научно-философской области классической культуры?

— Как видно из предыдущего, преобладал отвлеченный фетишизм: знание понималось как „чистая истина“, а отнюдь не как продукт и орудие общественно-

трудового процесса. Но не мог исчезнуть вполне и фе-тишизм авторитарный, потому что в жизни авторитарные отношения играли огромную роль. Исследование причин в общем было проникнуто идеей необходимости, т.-е. отвлеченной причинности; но цепь их обычно оканчивалась на какой-нибудь „первопричине“, явно или скрыто божественного характера, не только в философии, но и в науке. Так, астрономия источником изучаемого движения светил принимала таинственный „перводвигатель“; в учении о жизни прочно держалось представление о душе, хотя и освобожденное от физических элементов — ослабленный анимизм. Философия же вообще принимала, в разной мере, религиозные понятия. Даже в ее крайних материалистических учениях имеются следы авторитарного мышления. Напр., школа Эпикура отвергала богов, или, по всей вероятности, несерьезно, допускала их существование „в расщелинах мира“, безо всякой связи с его жизнью; но та же школа серьезно допускала, что атомы материи, падая через мировое пространство, могут „случайно“ отклоняться от прямого пути, благодаря чему они сталкиваются, приобретают новые сложные движения, и таким путем, в конце-концов, образуют миры. Эти „случайные“ отклонения представляют, очевидно, своеобразный произвол атомов, т.-е. приписывают им, в замаскированной форме, свойства авторитарных первопричин. Школы же идеалистические гораздо теснее связывались с религиозными мировоззрениями. В них идеи о божестве, о бессмертной душе, о свободной воле являлись большей частью основными, хотя в то же время сильно измененными, обесцвеченными, лишенными наивно-материальной окраски, свойственной религиям. Эти понятия выступали в несравненно более отвлеченном, „идеальном“ виде.

В практической или нравственной философии древности господствует индивидуализм: весь интерес сосредоточен на личности, на ее самочувствии, на путях к ее счастью или самоудовлетворению. Особенно силен этот индивидуализм во втором, упадочном периоде клас-

сической древности (школы: киренская, стоическая, эпикурейская и др.). Раньше, и особенно в философии политической, с индивидуализмом конкурирует идея отечества („полис“ — город, государство), для которого личность является только средством; таковы, напр., взгляды Платона в этой области. Гражданско-патриотическая тенденция была сильна в жизни. Но она не заключала в себе сознания трудовой неразрывности общества, а только — дух сплоченности перед внешними врагами, выработанный необходимостью общей самозащиты в бесчисленных войнах эпохи. Власть Рима прекратила затем эти войны, и старый патриотизм стал быстро исчезать, оставляя уже полный простор индивидуализму.

d) Античное искусство.

— Каков был первоначальный характер античного искусства? И в каком направлении он изменялся?

— По преимуществу религиозный, в силу преемственной связи с искусством предыдущей эпохи, феодальной. Но уже существовали и быстро развивались зародыши светского искусства, параллельно с прогрессом менового хозяйства и научно-философского мышления. В эпоху расцвета светское искусство преобладало, но и религиозное сохраняло значительную силу; и даже именно оно в наибольшей мере удовлетворяло потребностям демократической массы населения, которая оставалась глубоко-религиозною. — Впрочем, и самую границу между обоими видами искусства провести не всегда легко: чрезвычайно часто светское художественное творчество брало сюжеты из религиозной мифологии.

— Чем объяснить беспримерное развитие искусства в античном мире?

— Благодаря тому, что искусство выражает действительность в живых образах, доступных, хотя и в разной

мере, всякому, его организующая функция особенно широка и разностороння. Одна и та же статуя божества могла быть для образованного патриция воплощением чистой красоты, источником утонченно-эстетического наслаждения,—а для наивных плебеев предметом благоговейного почитания. Трагедии Эсхила и Софокла для избранного меньшинства зрителей выступали как художественная постановка и разрешение глубочайших философских вопросов, для большинства—как захватывающие картины борьбы, героизма, непреклонной человеческой воли. Каждый извлекал в искусстве то, что ему было нужно, и таким путем оно сближало всех, укрепляло общение, делалось опорой патриотической привязанности к родине, его создавшей и на нем воспитывающей граждан. Оно являлось прочнейшей общественной связью в классическом мире.

— Эта культурная связь была особенно важна и необходима при массе внутренних противоречий тогдашнего общества, среди столкновений разных его слоев—паразитов-рабовладельцев, разоряемых ими ремесленников и крестьян, вырванного из трудовой жизни паразитического пролетариата. Не случайно разные „тираны“ греческих городов и римские императоры, достигшие трона нелегальными путями, чтобы укрепить свою власть, прежде всего старались украсить отечество храмами, публичными зданиями грандиозной архитектуры, воздвигнуть новые статуи на улицах, площадях и гуляньях, и т. под. Организационный смысл искусства, если и не сознавался ясно вследствие отвлеченного фетишизма, то инстинктивно чувствовался в ту эпоху.

Богатство высших классов, их жадное стремление усложнять и разнообразить удовольствия жизни порождало и помимо того огромный спрос на художественные произведения, что давало другую экономическую опору для искусства.

е) *Политически-правовая жизнь классического мира.*

— Чем объясняется огромное развитие политической жизни в античном обществе?

— Разнородностью его состава и возникавшими отсюда сложными столкновениями интересов разных его слоев. Оно было уже классовым обществом. Имелась рабовладельческая аристократия, с крупными предприятиями, земледельческими, промышленными и ростовщическими. Имелись несравненно более многочисленные ремесленники и крестьяне, разоряемые конкуренцией рабовладельческих предприятий и ростовщичеством богачей. Был также класс торговцев, одинаково ненавистный всем остальным, благодаря огромной торговой прибыли, которую он брал с них за посреднические услуги. Образовался с течением времени из разорившихся крестьян и ремесленников, а также вольноотпущенных рабов, паразитический пролетариат, переполнивший города. Каждый класс отстаивал свои интересы и потому должен был организоваться; а для этого городская жизнь, процветавшая в тогдашнем обществе, давала подходящие условия. Политическая организация и политическая борьба являлись формой, в которой происходило отстаивание классовых или групповых интересов, как это наблюдается и в наше время.

Рабы не были классом, а были сословием, исключенным из общества и поставленным вне политической жизни. Если в ней они и принимались в расчет, то лишь в том смысле, что вызывали со стороны всякой общественной власти заботу об удержании их в полной покорности. Когда древние определяли человека, как „животное политическое“ (или „гражданское“), то при этом само собою подразумевалось, что раб — не человек.

— Каковы были формы политического устройства?

— Разнообразные, в зависимости от соотношения сил борющихся классов, и значит — от организованности их

партий. Вначале преобладают аристократические республики: это—господство аристократии, оставшейся от феодального периода, сильной своим богатством и той ростовщической задолженностью, в которую она привела бедный класс населения. Это, по существу, авторитарная организация; но в ней исчезает цепь авторитетов (сюзеренов—вассалов), а властители объединяются в „республиканский“ союз, на основе, уравнивающей силы денег и общего классового интереса.

Затем организуются низшие слои населения, городская демократия. По своей численности они—главная военная сила общества; а тем самым, несмотря на свою бедность, и основа его экономического могущества; ибо и рабовладение черпало рабочую силу из победоносных войн. Поэтому, организовавшись, демократия становится властительницей государства, сначала под руководством „тиранов“, как вождей в ее борьбе; а затем, так как они, захватили власть, неизбежно изменяли народу, демосу, он, политически воспитавшись и подготовившись, организовал демократические республики. Это была эпоха расцвета.

Упадок, начавшийся затем, привел мало-по-малу к вырождению высшего класса на почве паразитизма, к обессилению демократии путем разорения крестьянства и ремесленников конкуренцией рабского труда, ростовщичеством, войнами, налогами. Старые политические партии деморализовались, превратились в простые клики любителей наживы; для республики, аристократической или демократической, одинаково не было опоры. Сохранялась еще одна организованная сила: римская армия, при республике завоевавшая весь тогдашний „круг земель“ и продолжавшая охранять государство от надвигавшихся варваров. Армия и дала обществу новую политическую форму, конечно, авторитарную, потому что сама армия организована авторитарно. Это была основанная полководцами империя, с ее бюрократией. Ей суждено было довершить и систематизировать огромную работу преды-

дущих веков по созданию стройной системы права, — но также довести античное общество до окончательного крушения.

— Что представляла система римского права, и в чем ее историческое значение?

— Риму пришлось организовать гигантское государство, привести к единству разнообразные, сложные и противоречивые социальные отношения множества стран и народов. В этой грандиозной работе он и создал ту систему норм, которая называется римским правом, и которая отличалась поразительной полнотой, внутренней последовательностью, точностью выражения.

Дух римского права или его организующее начало, это — неуклонно его проникающий принцип частной собственности. Экономическая связь античного общества в его целом была меновая, и каждое его хозяйство имело основой индивидуальную собственность на средства производства, была ли то собственность, например, крестьянина на его орудия и участок земли, или рабовладельца — не только на орудия и землю, но также на рабов, как одно из орудий. Даже семейные отношения приобрели тот же характер — полной или ограниченной собственности отца на детей, мужа на жену. Естественно, что римское право явилось законодательным отражением и закреплением такого порядка вещей; и во всех странах, где оно вслед за римским завоеванием вновь применялось, оно было орудием перестройки общественных отношений в том же смысле — в духе частной собственности.

Ту же роль, но в еще более широких размерах, сыграло оно впоследствии, на переходе от средневекового феодализма к новому меновому обществу, не рабовладельческому, а капиталистическому, но также, разумеется, основанному на частной собственности. Введение римского права в одной стране за другую служило средством разрушения старых, феодальных форм организации, замены их буржуазными. Этим был сильно ускорен ход развития.

f) Христианство—мировая религия конца античной эпохи.

Чем объясняется усиленное искание и со-
зидание новых религий в периоде упадка
классического мира?

— Дезорганизация жизни тогда сильно ощущалась всеми классами общества—одними, как тяжелое пресыщение паразитов, теряющих способность наслаждаться, другими—как мучительное истощение угнетенных, не видящих выхода из бедствий. Там, где идет и чувствуется дезорганизация, вполне естественно искать новых организуемых форм; а таковы, мы знаем, именно формы идеологические. Искания в области науки были подорваны разрывом между наукой и производительным трудом, который есть ее действительная основа; искания философские развились значительно, но лишь в узких кругах образованных людей. В массах преобладало мировоззрение религиозное; и потому для религиозных исканий опора была несравненно более широкая. Об'единение множества религий под властью Римской империи давало богатейший материал для творчества. Народы заимствовали друг у друга богов, культы, догмы; секты росли, множились, изменялись, разрушались, и на их месте вырастали новые; столкновения и взаимодействия вер и суеверий порождали настоящий религиозный хаос. В конце-концов из него кристаллизовалась и выплыла, побеждая и вытесняя остальные религии, одна новая, которой суждено было сделаться мировой: христианство.

— Откуда произошло христианство?

— Оно возникло первоначально в виде маленькой секты среди евреев Палестины, именно среди пролетариев; их было немало в этой стране, экономически ослабленной и общими причинами тогдашнего мирового упадка, и хищническим владычеством римской бюрократии. Первые христиане жили тесно сплоченными, настоящими общи-

нами: в них все было общее. Коммунизм в древности, как и всегда позже, был свойствен, конечно, не классам собственников, хотя бы и мелких, но классам, лишенным собственности; таковы были тогда свободный пролетариат—не трудовой, а паразитический, в роде босяков,—и рабы. Выйдя из Палестины, новое учение со своей коммунистической организацией широко разлилось по древнему миру, привлекая массы пролетариев и еще больше—рабов. Коммунизм был потребительного характера: он заключался не в устройстве каких-либо производительных ассоциаций, а в общих трапезах, во всеяческой жизненной поддержке членов организаций, в братском распределении притекавших пожертвований. Впоследствии, под влиянием трудовых элементов,—рабов и нарождавшегося класса колонов, т. е. земледельческих крепостных и полу-крепостных, а также вовлеченных в секту ремесленников, крестьян,—стали развиваться и производительные ассоциации, „монастыри“. Мало-по-малу христианство охватило весь древний мир, и сделалось религией всех его угнетенных классов.

Римская империя сначала боролась против христианства жестокими гонениями, опасаясь могущества новой организации; но затем, убедившись в его силе и неистребимости, признала его и об'явила государственною религией, чтобы получить на него влияние и чтобы пользоваться его поддержкой. Это был правильный для государства образ действий, потому что в христианстве не было практической революционности: оно являлось идеологией безнадежно угнетенных, по преимуществу—рабов, и призывало не к активной борьбе против существовавшего строя, а к покорности и терпению. Оно, правда, ожидало переустройства жизни в пользу страдающих и обремененных—учение о втором пришествии,—но ожидало свыше, не предлагая бороться за него, не намечая путей к нему.

— Как сложилась самая доктрина христианства?

— При своем возникновении оно представляло секту еврейской религии, многие элементы которой и сохранило, большей частью, однако, в новом смысле и значении. Таково было особенно учение о Мессии, вожде-спасителе, воплощавшее для евреев мечту об освобождении от чужеземного, тяжелого ига, а для христиан—жажду спасения, очищения, новой организации всего тогдашнего мира, который разлагался и погибал. Затем, разливаясь по „кругу земель“, оно включало в себя массу разнообразнейшего идейного материала. Исследования ученых специалистов установили в нем наличность многих образов и понятий, существовавших раньше в греческой, и еще больше в восточных мифологиях, так же в античной философии, особенно школы Платона. Это богатство содержания было результатом распространения новой религии, но затем и одно из причин дальнейших ее побед, ее мирового захвата.

Идеи христианства были выражены и развиты преимущественно свободными людьми—пролетариями, и отчасти представителями имущих классов, примкнувшими к новой вере. Рабы, слишком задавленные неволей и эксплуатацией, редко являлись идеологами-творцами. Однако, именно их жизненные условия всего сильнее отпечатались в христианстве. Представление об устройстве мира там выработалось глубоко авторитарное: беспредельная, руководящая вселенною власть, и люди—ее рабы, независимо от своих свойств и положения. О том же говорит и нравственное учение, пропитанное духом кротости, смирения, непротivления; оно далеко не настолько соответствует настроению тогдашних паразитических пролетариев, с их вовсе не мягкими, часто буйными нравами, с их пристрастием к жестоким зрелищам, в роде гладиаторских игр,—сколько настроению рабов, беззащитных жертв чужой жестокости, далеких даже от мысли о борьбе.—Влияние рабов, а не „пролетариев“, сказалось и в замечательной, по тем временам, организованности движения: пролетарии-босяки всегда к ней мало способны, рабы же воспитаны в строгой дисциплине.

— Каким же образом христианство могло стать общею религией разных угнетенных жизнью классов?

— В утешающем учении о другой жизни, о превращении последних в первых, равно как и во всем богатом идейном материале христианства было многое, удовлетворявшее равно все эти классы. Да и самые границы между ними в жизни стирались: среди пролетариев имелись и разоренные мелкие хозяева, и вольноотпущенные рабы. Никакой борьбы между низшими классами не было, униженное положение сближало их, и потому могла выработаться общая идеология.

— Почему эта идеология удержалась после крушения античного мира и осталась религией средневекового феодализма?

— Потому, что сохранилась организация церкви, как наиболее прочная из всего общества. А ее учение приспособилось к новому, феодальному строю: католицизм Средних веков во многом отличается от древнего христианства. Переход из религии рабов и пролетариев в феодальную облегчался тем, что мировоззрение и той и другой строго авторитарное.

III. Переходные формы: 1) Крепостная система. 2) Ремесленно-цеховой строй. 3) Торговый капитализм.

а) Техника и экономические отношения.

— Какие причины вызвали смену феодальной организации новыми формами на исходе Средних веков и в начале Нового времени?

— Прогресс техники и общественного разделения труда, выразившийся в развитии товарного обмена.

В сельском хозяйстве техника оставалась застойной, орудия и приемы земледелия почти или совсем не совер-

шенствовались. Но происходил рост и улучшение методов ремесленного производства; оно отрывалось от деревни и сосредоточивалось в городах. Вместе с тем города становились по преимуществу рынками, центрами торговли как ремесленными продуктами, так, разумеется, и сельскохозяйственными, доставляемыми из деревни и необходимыми для самого существования города. Следовательно, в общественное разделение труда вовлекалась, при всей своей отсталости, и деревня путем превращения ее продуктов в товары для городского рынка.

Этот процесс перехода феодального общества в меновое шел в течение нескольких веков, порождая на своем пути промежуточные общественные формы: ремесленно-цеховой строй в городах, крепостное хозяйство в деревне, а затем господство торгового капитала, преобразовавшее ту и другую организацию.

— Почему в городе и деревне, двух областях одной общественной системы, получилось разное общественное устройство?

— Деревня по своей экономической отсталости не могла сбросить или хотя бы ослабить владычества феодалов; город же, быстро развивавший свою промышленно-торговую жизнь, накопил силы, позволившие ему успешно бороться против феодального ига—откупаться от него или свергать его оружием. В деревне, поэтому, вторжение обмена вначале только усилило эксплуатацию: феодал, имея возможность превращать прибавочный продукт в деньги и покупкою разнообразных товаров расширять свои потребности, старался извлечь из крестьян наибольшую сумму прибавочного труда, увеличивал барщину и оброк. Крестьяне от новых тягот часто бежали из деревни, и потому были затем прикреплены к земле; так и возникло крепостное право. Города же, напротив, организуясь для самозащиты от феодалов, выработали более свободный строй: сначала аристократический, под руководством торговых гильдий—денежной знати, потом демократический, под управлением ремесленных цехов,—путь,

аналогичный тому, какой прошли города античного мира, но только на этот раз без рабства.—Естественно, что в торговле между городом и деревней город, стоявший на более высокой ступени развития, эксплуатировал деревню, т.-е. продавал свои товары выше их стоимости.

— Какое место занимали авторитарные отношения в жизни деревенской и городской?

— В деревне они продолжали господствовать почти в полной мере, при чем утратили всякий остаток патриархальности, стали гораздо суровее, чем прежде: жажда денег направляла весь интерес помещика в сторону эксплуатации, забота о благосостоянии крестьян почти отпала. В городе же на первый план выступили меновые связи; однако и авторитарные сохраняли большое значение: организация каждого в отдельности ремесленного или купеческого хозяйства строилась на них попрежнему; власть хозяина над членами семьи и над другими, введенными в предприятие, сотрудниками—подмастерьями, учениками, приказчиками—была приблизительно в том же роде, как некогда власть патриарха над общиной, правда, и с тем же смягчающим родственным характером.

— В какой форме проявляется власть торгового капитала?

— Это—власть скупщика или кулака над мелкими производителями. Торговый капиталист—посредник между ними и рынком; он покупает на местах, для перепродажи, продукты у крестьян, кустарей, ремесленников, доставляет им материалы, орудия, при случае—в качестве ростовщика—деньги для поддержания хозяйства. Трудность добраться помимо него до рынка, а затем—зависимость ставят их во все более полную зависимость от торгового капиталиста, и он получает возможность диктовать им все условия производства, т.-е. на деле руководить их трудом, хотя по видимости они остаются самостоятельными хозяевами.

На более высокой ступени торгового капитализма предприниматель прямо раздает материал и работу на дом

подчиненным мелким производителям и платит им за продукт сдельно, по заранее им установленной цене. Это—так называемое „домашне - капиталистическое производство“.

Эксплоатацию торговый капитал доводит до крайней степени, потому что его сила—экономическому „закабалению“—мелкий производитель не может ничего противопоставить.

— Какие изменения в общественном строе порождаются торговым капитализмом?

— Собирая продукт мелких производителей для массовой продажи, заставляя их своей эксплуатацией увеличивать производство и усиленно специализироваться, он расширяет и углубляет общественное разделение труда; проникая повсюду, он всюду распространяет меновое, денежное хозяйство и вытесняет тем самым остатки феодального хозяйства и быта.

Раздробленная феодальная власть стесняет капитал в его движениях, в перемещениях товаров и торговых операциях. Поэтому он поддерживает крупных феодалов—королей, великих князей—в деле покорения мелких или „собрания земли“. Городская ремесленная демократия также, в интересах экономической безопасности и свободы обмена, поддержала собирателей земли. Феодалы были покорены, создалась абсолютная монархия или полицейско-бюрократическое государство.

Затем торговый капитализм стал подрывать крепостное право. Власть помещиков в деревне и необузданная эксплуатация ими крестьян мешали свободно развернуться торговому капиталу с его аппетитами. Так как крепостное право не было выгодно никому, кроме помещиков, да и те начинали искать новых способов эксплуатации, потому что старые слишком истощали деревню, к невыгоде самих же помещиков, то борьба общественных сил привела, наконец, к падению крепостного права в одной стране за другою.

б) Общий характер идеологического развития эпохи.

— Как вообще можно характеризовать идеологии эпохи?

В соответствии с экономическими отношениями, они— переходные. Они полны смешанных, и даже частью противоречивых форм. Авторитарное мышление с отвлеченным, религиозное, с научно-философским то сплетаются так, что нужен очень тщательный анализ, чтобы их разделить, то сталкиваются, как резко враждебные силы.

Тенденция развития такова, что с начала и до конца эпохи, лишь с некоторыми колебаниями, формы авторитарно-религиозные отступают перед отвлеченно-фетишистическими,—однако, и в последних ее стадиях сохраняют еще огромную роль в жизни.

— Какие главные моменты следует отметить в этом идеологическом развитии?

— Во-1-х, великие открытия и изобретения эпохи; во-2-х, воскрешение классической культуры; в-3-х, ереси и Реформацию. Все эти три момента трудно разграничить во времени, так как перевороты в разных областях культуры шли параллельно.

с) Великие открытия и изобретения.

— Чем была вызвана полоса открытий и изобретений изучаемого периода?

— Практическими исканиями, возникшими из новых экономических потребностей. Жажда денег и нужда в рынках были основными двигателями этих исканий.

Жажда денег вообще свойственна товаропроизводителю, а тем более—капиталисту. Деньги—орудие обмена товаров, и потому наиболее полное, наиболее чистое воплощение меновой ценности: на них можно купить что угодно, всякий товар стремится к обмену на деньги; по

при покупках они истрачиваются, а с ними—экономическая сила их владельца. Отсюда—желание иметь и приобретать как можно больше денег, переходящее у капиталиста, особенно торговца или ростовщика, в настоящую страсть накопления—своеобразный „меновой фетишизм чувства“.

Но, помимо этого общего закона, жажду денег обострял еще в те времена действительный их недостаток в системе рынка. Количество золота и серебра в Европе сильно уменьшилось за период средневекового феодализма. Добывание их, которое не было значительным и в античную эпоху, пришло совсем в упадок, благодаря как бесчисленным грабительским войнам эпохи, так и просто истощению старых рудников. Раньше накопленные запасы денежных металлов сильно растаяли: часть исчезла в ряду веков путем стирания монет, часть затерялась в виде „кладов“, зарытых в земле во время разных междоусобиц, часть ушла к купцам восточных стран в уплату за предметы роскоши для европейских феодалов. Когда общественное хозяйство стало вновь принимать товарно-меновую форму, денег, как покупательного и платежного средства, оказалось мало для возросшей во много раз потребности в них. Это было большим стеснением для менового процесса. Ценность золота и серебра чрезвычайно возрасла, и началось усиленное искание новых источников их добывания или приобретения.

Отсюда и стремление найти новые рынки, особенно такие, которые были бы обильны золотом и серебром. Торговый капитал быстро развивал массовое производство для рынка; но покупательная сила этого рынка, пока он ограничивался Европой, не могла расти с такою скоростью.

— Каким же именно путем искание денег и рынков вело к изобретениям и открытиям?

— Вопрос о добывании золота и серебра послужил могучим толчком к исследованию природы вообще; вопрос о рынках—к дальним путешествиям, сухопутным и особенно океаническим, какие не предпринимались раньше.

По первому методу работали алхимики, по второму—авантюристы-открыватели земель. Те и другие были представителями одного исторического настроения, однородной психологии.

Именем „алхимии“ обозначались в те времена все знания о природе веществ и жизни, зачатки химии, минералогии, физиологии, патологии, не обособленные тогда друг от друга, и в наибольшей части заимствованные у арабов, которые в свою очередь взяли основы своих натуралистических знаний от греков. Целью занятий алхимией ставилось отыскание „философского камня“, превращающего неблагородные металлы в золото и дающего обладателю возможность неограниченно длить свою жизнь. Это был, в сущности, просто символ для выражения могущества науки; но мышление, воспитанное феодальным средневековьем, понимало еще символы не отвлеченно, а образно, принимало их за живые реальности; и жажда золота оживляла научную деятельность алхимиков.

Через алхимиков перешли в Европу с востока важные технически-научные приобретения, такие, как приготовление кислот, писчей бумаги, многие медицинские средства, и т. п. Со своей стороны, алхимики, стремясь путем опытов проникнуть в природу вещей, делали важные и полезные открытия; из них на первом плане надо поставить приготовление пороха, с его огромным влиянием на ход борьбы нового общества против силы военных феодалов. Подобные открытия, хотя не вели к основным целям алхимии, не затеривались, однако, в лабораториях алхимиков, а распространялись в обществе и находили широкое практическое применение; в этом сказывалась прогрессивная тенденция, вносимая в жизнь новыми отношениями.

Индия в древности являлась для Европы главной поставщицей денежных металлов; но прямые, сухопутные связи с ней были разорваны мусульманским завоеванием промежуточных стран—Византии, Малой Азии, Сирии, Персии. Предания об Индии приобретали в средневековой

Европе полумифический характер, и в начале Нового времени отыскание морского пути в нее сделалось заветной мечтой смелых мореплавателей—купцов и авантюристов. Индия была для них таким же золотым идеалом, как философский камень для алхимиков; и здесь также, в поисках идеала, было найдено очень многое, чего не искали: целый ряд неизвестных раньше стран Америки, затем вся Африка и еще новые страны Азии, Океания. Была в том числе найдена и сама Индия—не мифическая, а реальная; но еще за шесть лет до того, как в нее проник Васко де-Гама, Колумб, открывая Америку, был уверен, что нашел ту же Индию.

— Какую роль сыграло искание новых рынков в развитии научных методов и знаний?

— Оно тоже послужило двигателем целого ряда исследований и открытий. Так, трудности океанического мореплавания требовали новых, более совершенных способов ориентировки на море, чем те, какими могло довольствоваться прежнее плавание, направлявшееся, главным образом, вдоль берегов. Возникло применение компаса и затем, в связи с ним, изучение магнетизма вообще.—Далее старые астрономические таблицы, дошедшие от древних астрономов, уже стали негодны для определения места и направления в пути, потому что их первоначальные неточности, накапливаясь в ряду веков, возросли до значительных размеров. Один испанский король в XIII веке организовал поэтому коллективные работы нескольких десятков ученых для составления новых таблиц. Из этих таблиц впоследствии произошел величайший научный переворот: изучая их с целью возможно точнее и проще установить их закономерности, Коперник в XV веке пришел к своей теории вращения земли вокруг солнца.

Аналогичные побуждения привели к усовершенствованию угломерных инструментов, при помощи которых составляются и практически применяются звездные таблицы, а также важнейшего астрономического орудия—часов. При феодальном и даже еще при вольно-ремеслен-

ном способе производства часы являлись излишней роскошью: достаточно было приблизительного расчета времени на-глаз по положению солнца и звезд. Но в дальних путешествиях и плаваниях точные часы—незаменимый инструмент для определения долготы, и вообще для операций ориентировки.

В связи с теми же условиями путешествий и потребностями практической астрономии выступили, далее, изобретения в области оптики: зрительные трубы, телескопы и т. п. орудия точного наблюдения и измерения.

Как видим, искание рынков само по себе вызвало огромный прогресс научных методов в различных отраслях. А затем открытие обширнейших стран, с иной, богатой природою, дало европейцам гигантское поле нового опыта, неиспытанных раньше впечатлений, а отсюда—новых знаний и мыслей.

— Какое техническое изобретение эпохи имело исключительно большое влияние на ход идеологического развития?

— Книгопечатание (середина XV века). Оно быстро сделалось могущественнейшим методом распространения новых идей, и в области культуры нанесло еще более сильный удар остаткам средневековья, чем применение пороха в области материальной борьбы общественных сил.

— Заключалась ли такая громадная идеологическая сила в книгопечатании самом по себе?

— Нет, разумеется. Изобретение это, технически-простое, сводящееся к употреблению подвижных букв для печати, тогда как раньше пользовались только неподвижными знаками, гравированными на досках, получило свое значение от социально-исторической обстановки. Если бы оно было сделано двумя-тремя веками раньше, когда знания и даже грамотность являлись привилегией немногих избранных, оно осталось бы бесплодным: не для кого было печатать. Гуттенбергу и в голову не пришло бы